

Андрей АЛЕКСАНДРОВИЧ-ДОЧЕВСКИЙ

Четыре знакомства. Художник Борис Дочевский

Знакомство первое

В детстве над кроватью моей бабушки висел под стеклом рисунок, сделанный тушью. Бумага давно пожелтела, но выразительность фигуры приковывала внимание. С образно изогнувшийся человек с ехидной улыбкой небрежно опирался на шпагу. Единственная композиционная деталь, которая сдерживала общее вихляние этого персонажа, — вертикальный отвес коротенького плаща.

— Кто это, кто?! — спрашивал я бабушку, показывая на загадочный рисунок.

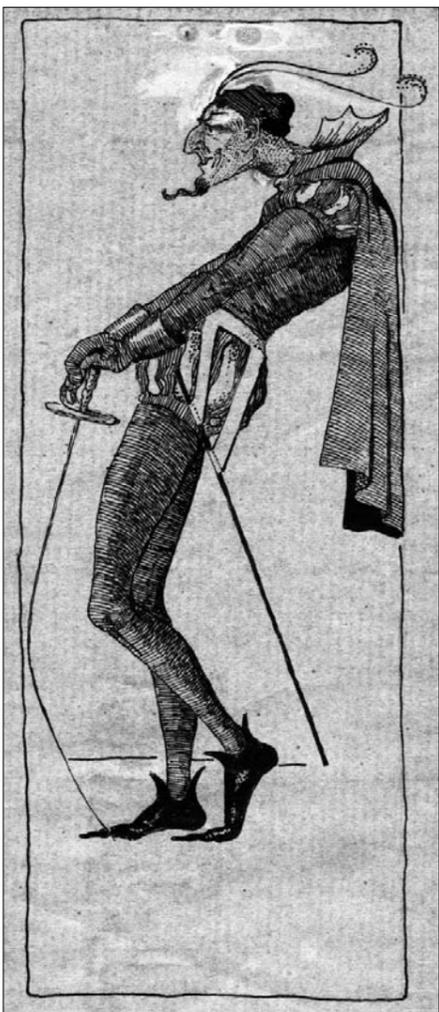
— Где? А, это! Ме-фи-стоп-фель! — таинственно подмигивая, улыбалась бабушка.

— А кто он такой?

— Хм?! Персонаж оперы "Фауст". Ну, в общем, повелитель Тьмы.

Мне стало страшно. Но полный ужас наступил позже.

Однажды к бабушке и ее двум сестрам приехал приятель из Калуги — Гейне Генрих Оттович, человек, обладавший громкоподобным басом. Младшая сестра бабушки, Мария Иосифовна Агафонова, была пианисткой, ученицей Генриха Густавовича Нейгауза. Их дружба с Гейне была старинной, а знакомство необычным. Но об этом несколько позже. В тот вечер был организован домашний концерт Гейне. Когда было объявлено исполнение арии Мефистофеля из оперы Гуно "Фауст", у меня зашевелились волосы, а тело покрылось гусиной кожей. С первых же аккордов и громогласного возвещения о том, что "люди гибнут за металл" и "сатана там правит бал", я понял, что этого кошмара не переживу.

Под роялем, на котором аккомпанировала Мария Иосифовна, стояла моя заветная коробка с игрушками, и я ползком устремился в нее, как в убежище. Игрушки были пыльными, коробка из-под телевизора "Знамя" — темной и душной, с неприятным картонным запахом, а хохот Мефистофеля все нарастал и нарастал, усиливаемый декор рояля. Я не выдержал и разревелся не на шутку. Пришлось родителям меня долго успокаивать.

Над той самой бабушкиной кроватью висело и множество старинных фотографий. Я любил их рассматривать, не вдаваясь в подробности, кто на них запечатлен: мне нравились костюмы, шляпы и прически этих людей. Таких в жизни не встретишь. Среди фотогра-

фий был старинный рисунок, который неким образом перекликался с рисунком Мефистофеля. Тогда я не мог себе объяснить, что связаны они были одним стилем или, вернее, по черком, но внутренне это почувствовал.

— А это кто? — спросил я у бабушки. На рисунке была изображена молодая дама лет 25 ти за вышиванием.

— Это я, — сказала бабушка.

— ?!

— Ну, я ведь тоже была когда-то молодая. Видишь, тут написано: "Киев, 1917 г." и подпись художника: "Б. Александрович-Дочевский". Это твой дедушка. Кстати, и Мефистофеля тоже он рисовал.

Потом бабушка извлекла откуда-то старинную папку, в которой были аккуратно сложены рисунки, акварели и гуаши. И мы стали их рассматривать: иллюстрации к русским сказкам, "Скупому рыцарю" и "Бесам" Пушкина, сделанные в 1918 г.; наброски Демона к поэме Лермонтова; графический лист "Счастливого принца"; рисунок тушью заснеженной усадьбы; фавн, отдыхающий на развесистом дереве; акварельный портрет 1916 г., где изображен желчный человек в цилиндре с моноклемом, и подпись: "Коммерсант"; гуашевый этюд виллы у моря 1920 г.; двое крестьян, подрезающие виноградную лозу; карандашный рисунок "Пьеро" и портрет старика 1920 г.; несколько этюдов маслом на картоне: "Паводок", "Лесной пейзаж", "Цветущее дерево"; акварельный эскиз театральной декорации и театральных костюмов. Улыбку вызвал автошарж художника, где он изобразил себя в роли маляра, красящего стены домов. Шарж был подписан сверху: "Изъ пророчество моих друзей: Благодаря Вашему таланту Вы вознесетесь на головокружительную высоту!", и внизу: "Вознесся!!!"

— Твой дедушка был художником, театральным художником, — и бабушка указала на одну из фотографий. — Вот он, Борис Ильич!

— А где он сейчас?

— Он умер давно. Говорят, красками отравился.

Я вглядывался в фотопортрет. Художник, а в военной форме? И форма какая-то необычная, и вместо медалей и звезд — крест?!

Знакомство второе

Был май 1968 г. Нас, учеников третьего "А" школы № 38, принимали в пионеры у памятника Славы. Когда мне повязали красный галстук, я был очень горд. Бегу, подпрыгивая, к бабушке. И прямо с порога:

— Меня приняли в пионеры!!!

— Мой руки и садись обедать. Обед простыл уже.

И никакой реакции. Да что такое?!

— Бабушка! Меня в пионеры приняли!

— Давай обедать будем.

Опять никакой реакции.

— Скажи, а правда, что Ленин — самый мудрый и добрый человек на Земле?

В ответ — молчание. И после паузы — как бы себе:

— Я сомневаюсь.

Бабушка, Нина Иосифовна Александрович-Дочевская, впервые была арестована в 1923 г., но вскоре отпущена. В 1937-м ее арестовали вторично. Сначала — лагерь, потом ссылка в Семиярск, в общей сложности 8 лет. В Семиярске, на окраине города, и произошло необычное знакомство с Ген-

рихом Оттовичем Гейне: шел по улице человек и пел в пространство оперный классический репертуар.

Обвинялась бабушка вместе со своей младшей сестрой в контрреволюционном заговоре. Поводом стало то, что замужем бабушка была за белым офицером, да еще и эмигрировавшим за границу.

Окончив Смольный институт в Петербурге, Нина Иосифовна, урожденная Уляновская, дочь генерала медицинской службы Иосифа Лаврентьевича Уляновского, в 1914 г. вышла замуж за Бориса Ильича Александровича-Дочевского, студента юридического факультета Петербургского университета. Вот что удалось узнать об отце Бориса Ильича из биографического словаря "Профессора Томского университета": "Александрович-Дочевский (Дочевский) Илья Иванович (род. 23 авг. 1865 г., Новгород-Северский Черниговской губернии) — ординарный профессор по кафедре частной патологии и терапии и терапевтической клиники. Из дворян. Сын ветеринарного врача. В 1890 г. закончил мед. ф т Харьковского университета. С 1892 г. — ординатор факультетской терапевтической клиники, с 1909 — профессор по кафедре частной патологии и терапии, автор ряда научных работ, статский советник, кавалер орденов Св. Владимира, Св. Анны и Св. Станислава".

Отец Ильи Ивановича и дед Бориса Ильича, Иван Федорович Александрович, был не только ветеринарным врачом. Он был меценатом города Глухов, музыкантом и страстным собирателем музыкальных инструментов. До наших дней сохранилась в Глухове усадьба Александровичей. Вот что сообщает о ней в своей книге Виктор Вечерский: "Главное здание построено в середине XIX в. владельцами усадьбы — местными дворянами Александровичами, происходившими из старинного казацко-старшинского рода. К этому роду принадлежали Тихон Александрович — префект и профессор пиитики и риторики Киевской академии в первой половине XVIII в., а также Митрофан Александрович (Александрович) (1837 — 1881) — писатель, историк и земский деятель на Черниговщине. В конце XIX — начале XX в. усадьбой владел пианист Иван Федорович Александрович, деятельность которого оказала влияние на культурную жизнь Глухова того времени". Сейчас, правда, усадьба находится в плачевном состоянии. Ворота разрушены, дом превращен в коммуналку, обстроены бесчисленными верандочками. Через некогда большой фруктовый сад проложена дорога, а на месте фонтана с бронзовой фигуркой Фортуны растут помидоры".

Александровичи представляли в Украине большой дворянский клан. Дома имели в Киеве, дома и земли — в Антоновке Черниговской губернии, Студенке и Глухове, Полтаве,

Пассиках и в с. Великая Круча на реке Удай, где жил пирятинский уездный предводитель дворянства Порфирий Иванович Александрович, дядя знаменитой кавалерист-девицы, героя Отечественной войны 1812 г. Надежды Андреевны Дуровой. Из ее воспоминаний: "Мать моя, урожденная Александровичева, была одна из прекраснейших девиц в Малороссии". И далее: "...отвезла меня мать моя в Малороссию к бабке и оставила у нее. Деда не было уже на свете. Всю нашу семью составляли бабка моя осмидесятилетняя, умная и благочестивая женщина; она была некогда красавица и известна по необычайной кротости нрава; сын ее, а мой дядя, средних лет человек, пригожий, добрый, чувствительный и до несносности капризный, был женат на девице редкой красоты из фамилии Лизогубов, живущих в Чернигове".

В Малороссийском гербовнике В.К. Лукомского и В.Л. Модзалевского сообщается: "Александровичи — потомство Александра, бурмистра Киевского магистрата (XVII в.)".

Глуховский помещик Иван Федорович Александрович был женат на Елене Николаевне Тризне, ведущей свой род от Фомы Тризны, Лубенского полкового писаря (с 1672 г.), брата архимандрита Киево-Печерского монастыря Иосифа Тризны, преемника Петра Могилы. Один из их сыновей, дядя Бориса Дочевского, Сергей Иванович Александрович-Дочевский, ученик, а впоследствии большой друг П.И. Чайковского, был преподавателем Харьковского музыкального училища.

Дополнение "Дочевские" фамилия братьев получила потому, что их отец, Иван Федорович, купил для детей земли на хуторе Дочь.

Борис Дочевский окончил юридический факультет Петербургского университета, но юристом не стал. Стал художником. Занимался графикой, книжной иллюстрацией, живописью, чеканкой, или, как тогда говорили, "давлением по металлу".

В 1917 г. Борис Дочевский — офицер белой армии под командованием генерала Деникина. В 1921 г. из Балаклавской бухты бежит на пароходе в Константинополь. Из Константинополя попадает в Югославию, в Белград.

И вскоре, в 1924 — 1927 гг., семья стала получать первые письма. В письмах — маленькие зарисовки размером с конверт, среди которых были эскизы театральных декораций. Сегодня сохранился лишь один, без пояснения. Бабушке было известно, что Борис Дочевский работал в Белграде сценаристом. В 1934 г., в возрасте 40 лет, он внезапно умер, якобы отравившись вошедшими тогда в моду нитрокрасками.

Знакомство третье

Случилось так — а так должно было случиться, что в начале этого года я познакомился с господином Гораном Алексичем, послом Сербии в Украине. Я проникся доверием к этому обходительному и доброжелательному человеку и рассказал ему все, что знал о своем деде. А вдруг какие-нибудь сведения сохранились в Сербии? Сербь одни из первых протянули руку помощи эмигрантам из Российской империи. Выслушав меня, господин Алексич связался с Нови-Садом, где проживает архивариус русской театральной эмиграции Алексей Борисович Арсеньев. И через некоторое время я получил ответ:

"Актер, режиссер и декоратор Б.И. Дочевский в Королевстве сербов, хорватов и сло-

Сергей Иванович Александрович-Дочевский, преподаватель Харьковского музыкального училища, за столом, слева от П.И.Чайковского

венцев — Югославии. Справка Алексея Борисовича Арсеньева (Нови-Сад) от 6 апреля 2009 г.

Дочевский (и его жена?) принимал участие в театральных постановках русских артистов в Белграде 1920 х годов. До середины 1920 х еще не было серьезных постановок и более устойчивых театральных трупп. По ресторанам и залам ставились скетчи, одноактные пьески вперемежку с музыкальными номерами <...>

В книге Виктора Ивановича Косика "Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде в 1920 — 1950 е годы. Часть 1" (Институт славяноведения

РАН. Москва. 2007) <...> упоминается имя Дачевского, Дочевского, Дячевского Б.И. (в газетах часто встречаем ошибочное указание фамилий!).

Стр. 122/123:
На месте пропавшей "Ягодки" появилась в конце 1924 г. в "Самарканде" более удачная труппа "Фокс", открывавшая сезон 21 декабря <...>. Успехом, в частности, пользовалась и игра Сазоновой и Ольшевского в скетче Аверченко "Милая головка", Е. Евгеньева и Е. Романова в комедии "Без суфлера". Декорации делали Б.И. Дачевский (Дочевский, Дячевский) и Н. Мамонтов, потом к ним присоединился и А.В. Топорнин <...> ("Новое время". Белград, 1924, 23 декабря, № 1098; 26 декабря, № 1101).

Стр. 124:
Наряду с "Фоксом" в 1925 г. в "Самарканде" прошли спектакли "Маленького театра", представлявшего молодые артистические силы русского Белграда. Комедии, скетчи, пародии, инсценировки, лубки, оперетты — вот программа выступлений "молодых сил" со "старым набором" по субботам и воскресеньям и в праздничные дни. <...>

Режиссер В.В. Щучкин, декорации Б.И. Дачевского и Н. Мамонтова. ("Новое время" 1925, 30 января, № 1125.)

Стр. 127/128:
9 июня 1927 г. в кефана "Славия" открыла сезон новая артистическая труппа "Жар-птица". Режиссером и распорядителем был преданный миру театра В.И. Щучкин. В программе миниатюры и сольные выступления. <...> Декорации Голдшмита и Дачевского, Антипова. Реквизит Мамонтова. ("Новое время", 1928, 28 октября, №2247.)"

Также у Арсеньева нашлась копия программки любопытного представления — бала-маскарада под названием "Ночь под Рождество в Диканьке". Исполнители — члены Белградского русского художественного драматического общества при участии украинского общества "Просвіта". Спектакль состоялся в субботу, 19 января 1929 г. Гоголя играл господин Дочевский, а жену кума Пана-

са — госпожа Дочевская. (В других источниках Дочевская упоминается под инициалами Н.С.) 20 ноября 1929 г. в сербском театральном зале "Манеж" Русское драматическое общество давало пьесу А.К. Толстого "Смерть Иоанна Грозного" в постановке А.Ф. Черепова. Одним из актеров был Б.И. Дочевский.

Арсеньев предполагает, что Дочевский принимал участие в спектаклях, которые изредка ставило украинское общество "Просвіта" в Белграде. В русских белградских газетах 1920 — 1930 х гг. время от времени встречаются заметки о мероприятиях "Просвіти". Она неоднократно ставила в Белграде оперу "Запорожец за Дунаем"; был и украинский хор.

Арсеньеву кажется, что Дочевский из Белграда уехал на жительство в город Суботица (у границы с Венгрией) и там состоял в драматическом кружке "Русского клуба". "Не могу быть уверенным, эту фамилию, мне кажется, упоминали русские старожилы Суботицы. В наши дни там не осталось русских, которые могли бы подтвердить это.

Высылаю неопубликованную свою статью о белградских театральных труппах. Над этой темой я работаю и готовлю большую работу.

Если что новое обнаружу о Дочевских — сообщу.
Aleksiej Arsenjev."

Знакомство четвертое

Хутор Малая Дочь, расположенный вдали от Московской трассы (в 13 км от Батурина) — забытая Богом и людьми точка на карте. Мы с сыном отправились туда с зыбкой надеждой разузнать что-нибудь о Дочевских.

Удивительно красивое место на берегу реки Дочь Гала. Вокруг невысокого зеленого холма, окаймленного с одной стороны плакучими ивами, примостились около двадцати крестьянских дворов. На другом берегу — сосновый лес.

Внизу у берега замечаем одинокую фигурку рыболова. Познакомились. Улыбчивый

старичок, Михайло Романович, родился и прожил на хуторе всю жизнь. Его тесть, доживший до 97 лет, в детстве крещен паном Хомским, управляющим усадьбой Александровичей-Дочевских. Был тесть здравого рассудка и все подробности о той жизни Михайлу Романовичу рассказал, о чем он нам и поведал:

"А історія була така: як ви кажете, Александровичі тії, вони, здається, з Глухова були, батько їхній там відомий якийсь був. Тут у Дочах два брати були — один музикант, а другий лікар. Але вони тут не жили, а хазяйнував тут, мабуть, їхній управляючий, пан Хомський. А чого не жили? Бо казали, що лікаря цар на Сибір заслав (это в Томский университет профессором! — А. А.-Д.), а музикант пішов по містах концертіровать, да так і зник (в Харьковском музыкальном училище, — А. А. Д.). Перед самою революцією Хомський теж кудись зник, кажуть, за кордон поїхав чи теж у Сибір до того лікаря. Будинок стояв зовсім безхозний. У 1926 році банди налетіли; тьма-тьмуща їх по лісах тут було. Меблі розтягали, а стіни зруйнували. Золото у стінах шукали, та й нічого не знайшли. Довго будинок стояв напівзруйнований. Почали односельці у 60 ті роки ті стіни довбати, бо цегла там дуже якісна була. Довго довбали, бо збудовано було на совість. З тої цегли коровник побудували. А потім голова колгоспу наказав підвали засипати, сад яблуневий повирубати і все екскаватором зарівняти. Хотів землю ту на ділянки поміж односельцями розділити, але чомусь з того нічого не вийшло. А ходімо, хлопці, — внезапно воодушевился Михайло Романович, — я вам те місце покажу, бо через деякий час земля просіла і по неглибокій траншейці, де трава не росте, видно слід фундаменту".

По пути Михайло Романович очень вразумительно описывал, как выглядела дорога в имение, насыпанная через болото, где был въезд, куда простирался сад. На зеленом холме, куда мы поднимались, паслись дивной красоты коричневые кони. На самой верхушке холма мы и увидели след от когда-то стоявшего дома. Фундамент там, в земле, а след остался!

Усадьба в Дочах

Б.И. Дочевский, автошарж

Б.И. Дочевский, 1926 г., Белград, Королевство Сербов и хорватов

Эскиз декорации